

«Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать

С. В. Морозов*

*Лукавый злодействует, егда сочетается с праведным
(Притч. 11, 15)*

Узловые моменты истории всегда играли важную роль, поскольку существуют времена, когда узлы завязываются, а затем наступают времена, когда эти самые узлы развязываются. Если иметь в виду в качестве условного момента «развязывания» общепринятую дату — начало Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.), то вехи «завязывания» следует, наряду с прочим, выискивать немного раньше. К таковым принято причислять оккупацию германскими войсками Чехии в марте 1939 г., мюнхенскую конференцию к. сентября 1938 г., «аншлюс» Австрии марта 1938 г., отказ Германии от соблюдения Локарнских соглашений в марте 1936 г., соглашение Гора–Лавала декабря 1935 г., отказ Германии от соблюдения Версальского договора в марте 1935 г.¹

Данные вехи многим известны и о них написано немало. Одновременно, наряду с вышеперечисленными видимыми вехами пришла пора написать и о малоизвестных или же и вовсе о неизвестных этапах подготовки второй «большой войны»², поскольку в качестве основного объекта экспансии, как и во время первой мировой, определенными кругами на Западе рассматривалась Россия. В качестве подобной невидимой вехи подготовки Второй мировой следует, на наш взгляд, рассматривать период 1934 — весны 1935 гг., когда реакционеры из правящих кругов

Японии, Польши и Германии в глубокой тайне вынашивали планы развязать агрессию против СССР во вт. половине 1935 г.

Насколько обоснованный характер носит настоящая гипотеза? Ведь, например, в польской историографии не принято рассматривать данный временной отрезок под ракурсом вовлеченности тогдашнего польского руководства в агрессивные планы берлинских и токийских коллег относительно СССР. Современные польские исследователи склонны полностью исключать данную точку зрения, прежде всего, путем категорического отрицания агрессивного характера внешней политики режима «санации»³ и наделения таковым советской внешней политики межвоенного периода⁴.

Историки времен народной Польши занимали намного более объективные позиции касательно неконструктивного и зачастую агрессивного характера внешней политики Ю. Пилсудского и его последователей⁵. Иногда они даже утверждали о близком польско-германском сотрудничестве в течение 1934 г., длившемся вплоть до смерти маршала Пилсудского, однако не склонны были усматривать в нем японское присутствие⁶. Весьма и весьма нечасто в исследованиях авторитетных польских историков 1960-х гг. проскальзывали цитаты из опубликованных на Западе документов, подтверждающие данную гипотезу⁷.

* **Станислав Вацлавович Морозов** — Д. и. н., профессор кафедры Всеобщей истории, философии и политологии, Исторический факультет, Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Новокузнецк.

В отечественной историографии ближе всего к сути данного этапа подошли авторы третьего тома «Истории дипломатии», где речь идет о формировании в первой половине 1930-х гг. очагов войны. Первого — на Дальнем Востоке, в связи с японской агрессией в Маньчжурии, и второго очага в Европе, в связи с германо-японским и германо-итальянским сближением на антисоветской почве⁸. Имели место также и попытки белорусских ученых объективно рассмотреть польско-германское сближение в течение 1934 года⁹. У одного из наиболее авторитетных исследователей советско-польских отношений в 1930-е гг. Ирины Васильевны Михутиной польско-германское сближение в течение лета 1933 — весны 1934 гг. также освещено довольно основательно¹⁰. Однако в вышеперечисленных исследованиях не затрагивается проблема польско-германо-японского сотрудничества в течение 1934 — весны 1935 гг. и тайных совместных планов правящих и реакционных кругов указанных стран осуществить в течение второй половины 1935 г. агрессию против Советского Союза.

Взглянуть на данный временной отрезок именно под вышеуказанным ракурсом позволили архивные и иные источники, процесс введения которых в научный оборот начался в 2000-х гг. и продолжается до настоящего времени. Одно из первых исследований, где на этот крохотный по историческим меркам хронологический промежуток было обращено внимание с точки зрения активно подготавливавшейся милитаристской Японией, нацистской Германией и «санационной» Польшей в отношении СССР агрессии, вышло в 2004 г.¹¹ В выдвинутой в нем данной гипотезе ключевая роль среди источников принадлежала материалам советской разведки из т. н. «личного архива» И. В. Сталина¹², равно как и впервые введенному в научный оборот секретному польско-германскому договору от 25 февраля 1934 г. Среди прочего, его пятый пункт обязывал польское правительство «обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории, в случае, если эти войска будут призваны отразить провокацию с востока или с северо-востока»¹³.

В 2005 г. на страницах журнала «Славяноведение» последнему была посвящена отдельная статья. В ней автор обратил, среди прочего, внимание на тот факт, что с момента публикации вышеупомянутого договора на страницах французской и советской

прессы в апреле 1935 г. ни германская, ни польская стороны не заявили формального протеста, вплоть до настоящего времени¹⁴.

Проблема деятельности вышеозначенного «злостного триумvirата» в указанный хронологический промежуток нашла свое продолжение на страницах журнала МИД РФ «Международная жизнь». Все тот же автор обратил внимание на следующий факт. Разместив текст этого самого секретного договора в печатном органе Верховного Совета СССР газете «Известия», советское руководство, с одной стороны, придало ему официальный статус, а с другой, на случай развязывания в течение 1935 г. войны и потенциального подведения её возможных итогов, указало мировой общественности на страны-агрессоры, тайно, но истово её подготавливавшие¹⁵. Завершающий период формирования данной гипотезы отражен в материалах научной конференции, прошедшей в мае 2012 г. в Витебске¹⁶.

А теперь настало время остановиться и подробно рассмотреть в хронологической последовательности имеющиеся, теперь уже весьма многочисленные, данные касательно деятельности и планов в течение 1934 — весны 1935 г. этой самой злоименитой триады, в которой особую роль отвел для себя и играл тогдашний польский вождь Юзеф Пилсудский. Нижняя хронологическая рамка условно связана с польско-германской декларацией от 26 января 1934 г. о мирном разрешении споров и неприменении силы, которая подвела правовую основу процессу польско-германского сближения, продолжавшемуся всю вторую половину 1933 г. Верхняя рамка опять же условно обозначена в связи с подписанием 2 мая 1935 г. советско-французского договора о взаимопомощи, ставшего непреодолимым правовым препятствием на пути осуществления намеченной на вторую половину 1935 г. агрессии против СССР.

Начать следует, пожалуй, с идейно-теоретических основ и целей, ради которых старый польский маршал ввязался в это сомнительное предприятие. Как уже было замечено ранее в донесении американского посла У. Буллита основной и заветной целью последнего было построение Великой Польши. Наряду с традиционно польскими территориями в нее предполагалось включение земель бывшего Великого княжества Литовского и Советской Украины, т. е. она должна была обосноваться в рамках границ 1772 г. и стать своеобразным ядром¹⁷.

Вокруг ядра и под главенством Великой Польши должна была сформироваться федерация из государств, составлявших военно-политический союз, который в исторической литературе зачастую называют «интермариум» или «междуморье»¹⁸. Имелись в виду страны, расположенные между Балтийским и Черным морями — Финляндия, Эстония, Латвия, Венгрия, Румыния, Армения и Грузия. Не исключалось присоединение к союзу стран, расположенных у Эгейского и Средиземного морей¹⁹.

Одновременно в результате проведения II отделом Главного штаба Войска Польского²⁰ специальной политики, носившей название «прометеизм»²¹, предполагалось отделение от СССР Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана²². Пилсудчики рассчитывали создать из них конфедерацию под эгидой Великой Польши, в качестве противовеса остаткам откатившейся к Уральскому хребту России²³.

Планов, как видно, было громадье, однако возникает вопрос, насколько они соотносились с устремлениями польской элиты, которая тогда была представлена, прежде всего, крупными землевладельцами из числа аристократии. Через четыре месяца после произведенного им государственного переворота, в конце октября 1926 г., Ю. Пилсудский посетил Несвиж — родовое поместье князей Радзивиллов. По этому случаю там состоялся большой съезд польской аристократии, крупнейших землевладельцев, представителей наиболее влиятельных семейств страны²⁴. Поскольку значительная часть земельных владений многих из них в тот момент находилась на территории Советской Украины и Белоруссии, то со стороны польской землевладельческой аристократии он встретил полное взаимопонимание.

Воссоздание «былого величия» путем построения Великой Польши было неотделимо в душе маршала посчитаться с Россией за причиненные ему в годы его юности обиды и допущенные несправедливости. Впервые подобного рода возможность он усмотрел еще во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Летом 1904 г. 36-летний, тогда еще полный сил, Пилсудский прибыл в Токио с предложением поднять восстание на польских землях²⁵. Однако, там не были склонны рассматривать его предложение всерьез, и сотрудничество ограничилось сбором пилсудчиками разведывательной информации о России для японского Генерального штаба²⁶.

Будущий польский вождь умел выждать свой час, не упуская интересующего вопроса из виду. Так обстояло дело и с воссозданием Великой Польши, поскольку получив в 1918 г. пост «начальника» польского государства он, используя правовую неопределенность в связи с Брестским миром, попытался присоединить украинские земли, но получил отпор в ходе советско-польской войны 1920 г. Однако о японском направлении он все же не забывал и в 1928 г. в Токио был назначен военным атташе один из его проверенных соратников Х. Флойр-Райхман²⁷. Одним из результатов его деятельности на том посту стало польско-японское соглашение, подписанное в 1931 г. на уровне высших штабов²⁸. Японский поводок маршал держал крепко и ждал удобного момента, чтобы ухватиться и за германский, тогда бы и пробил его час.

Ждать пришлось недолго. 11 декабря 1932 г. была подписана т. н. «Декларация пяти держав», предоставившая Германии равные права в области вооружений, одним из подписантов которой была Франция. Последняя, потерявшая после 1917 г. Россию в качестве стратегического военного партнера относительно германской угрозы, была вынуждена создать в 1920-х гг. систему военных союзов с «малыми странами», одним из участников которых была Польша. Правовое признание Парижем равных прав за Берлином в области вооружений ставило под вопрос её ценность как союзника Варшавы. Поскольку на Локарнской конференции 1925 г. западные страны уже принесли на алтарь своих будущих политических игр с Германией польские и чехословацкие интересы, то польскому вождю было впору насторожиться. Когда же 13 декабря французской парламент проголосовал не возвращать военные долги США (400 млн фр), польский вождь имел все основания предположить, что французы с большой выгодой себя продали. Польше в перспективе это ничего хорошего не обещало. Маршал на следующий день «созвал совет министров и высший командный состав армии, чтобы задать вопрос: „Можно ли рассчитывать на союз с Францией? И в какой мере?“ В результате обсуждения был сделан вывод: „Нет, необходимо постараться как можно скорее изменить внешнюю политику в сторону сближения с Германией!“»²⁹.

Веймарской республике, которая уже одной ногой стояла в «клубе великих держав» и после плана

Юнга и «Декларации пяти держав» готовилась там водвориться политическое сближение со страной, имевшей менее престижный иерархический статус в Версальско-локарнской системе, подобная перспектива вряд ли бы пришлась по душе. Однако у маршала имелся на тот момент неотразимый, на его взгляд, аргумент — трехкратное превосходство польских вооруженных сил³⁰. Если им умело распорядиться, то Берлин можно было склонить к определенным уступкам и извлечь политические дивиденды. Однако преимущество носило временный характер, поэтому следовало поторопиться.

С этой целью была задумана и осуществлена следующая комбинация. 11 января 1933 г. в Париж прибыл сенатор Ежи Потоцкий³¹ с планом превентивной войны против Германии. «Пилсудский писал о 5 польских армейских корпусах, которые в случае необходимости могли бы вступить в Восточную Пруссию и остановиться на Одере, в то время как Франция должна была бы оккупировать часть Рура, а Англия — лишь ожидать второго этапа операции». Письмо было составлено таким образом, чтобы вызвать отказ Франции, который можно было бы использовать для политического сближения Польши с Германией³².

Избрание в конце января германским канцлером А. Гитлера с его оголтело-реваншистской риторикой вынудило маршала начать к нему внимательно присматриваться, ожидая возможных провокаций. Таковая вскоре последовала в наиболее чувствительном для самолюбия любого поляка месте — Вольном городе Данциге³³. 16 февраля тамошний сенат без согласия портового совета, в котором были и представители Польши, принял решение о роспуске портовой полиции, заменив ее городской³⁴. В тот момент «дедушка»*, старший германского канцлера более чем на 20 лет, вероятно подумал: «Таких наглецов как Вы, молодой человек, надо учить» и предпринял соответствующие действия.

5 марта, когда выборы в германский рейхстаг принесли победу нацистам, на полуострове Вестерплатте** был высажен польский военный отряд***. М. Войчеховский назвал это действие «аферой на

Вестерплатте», необходимой для того, чтобы «предостеречь и оказать давление на Гитлера и одновременно дать ответ западным державам, питавшим благосклонность к германским реваншистским требованиям»³⁵.

Одновременно маршал продолжил вести свою линию на сближение с Берлином через Париж. Чрезвычайный и полномочный Посол, академик В. П. Потемкин сообщает, что в марте 1933 г. последний проинформировал французское руководство о нарушении Германией Версальского договора, её ускоренном вооружении, мечтах о реванше. Затем предложил «принять меры против этой опасности», т. к. одни лишь дипломатические представления Берлину не могут достигнуть цели. И, наконец, заявил, что «польские войска готовы в любой момент выступить против немцев, если Франция поддержит Польшу в случае польско-германского военного столкновения». Однако, французская дипломатия не порадовала Пилсудского положительным ответом³⁶.

Польскому диктатору только этого и надо было, ведь на тот момент он имел трехкратное превосходство войск и имел возможность сделать Гитлера сговорчивее и без посторонней помощи. Публичный же характер обращения понадобился ему, дабы, во-первых, продемонстрировать, что французы не желают замечать германской угрозы, во-вторых, чтобы впоследствии оправдать крутой вираж своей внешней политики в сторону Берлина и, наконец, в третьих, чтобы продемонстрировать сторонникам Франции в Польше, что, поскольку первая является ненадежным союзником, то необходим новый, более надежный. А, поскольку этот новый, пока еще ни о чем не догадывавшийся союзник находился на более высокой ступеньке в иерархии Локарно, то следовало ему напомнить извечную истину, что всегда прав более сильный. В отношении более молодого, упрямого и непонятливого тевтона-ефрейтора маршал прибег к ультра-жесткому шантажу — угрозе провести в отношении Германии превентивную войну.

Чехословацкий посланник в Варшаве Вацлав Гирса в донесении от 10 мая 1933 г. сообщал, что план проведения превентивной войны рассматривался

* Одно из уважительно-ласковых прозвищ Пилсудского.

** Часть данцигской бухты.

*** Это подразделение было предназначено для усиления военного гарнизона, охранявшего польские склады с воинским снаряжением. Возникшая конфликтная ситуация завершилась компромиссом — польский отряд должен был покинуть Вестерплатте взамен на обещание восстановить деятельность портовой полиции.

в Главном штабе, который и произвел соответствующие подготовительные мероприятия. В начале апреля 1933 г. были сконцентрированы войска на польско-германской границе в Сувалках и в «коридоре», куда были передислоцированы с советско-польской границы части Корпуса охраны границы. Военные действия планировалось начать вскоре после апрельских выборов в Данциге, на которых, по предположению военных, должны были победить нацисты. Это привело бы к внутренним беспорядкам и тогда «было бы трудно выяснить, кто является зачинщиком»³⁷.

Следует также помнить о том, что решимость Пилсудского крепла в связи с набиравшей в то время силу западной инициативой т. н. «пакта четырех», одной из целей которой была ревизия восточных германских границ за счет «малых стран». Дабы Адольф Алоизиевич быстрее осознал, о чьих границах ему не следует и мечтать, «дедушка» не забывал тормозить и одного из участников вышеупомянутого пакта — союзников на Сене. В апреле 1933 г. польский посол в Париже передал новый меморандум о вооружениях Германии, прямо предлагая обсудить вопрос о превентивной войне, чтобы воспрепятствовать вооружению Германии и силой оружия укрепить пошатнувшуюся Версальскую систему. Однако, премьер Даладьё отклонил и это предложение³⁸.

Одновременно была развернута широкая кампания в прессе. Официальная «Газета Польска» заявляла, что касательно судьбы Поморья Польша может разговаривать только пушками, а 15 апреля подвела своеобразный итог: «Для нас этот вопрос не существует, не существовал и не будет существовать». Другие польские печатные издания подхватили этот тезис и заявляли, что «никогда, никакое правительство, никаких разговоров, ни в какой форме, ни о какой из польских границ и ни с кем вести не будет»³⁹.

В то же время маршал, будучи опытным и искусственным в политических интригах игроком усмотрел благоприятную возможность приступить к главному — начать форсированное сближение с новым союзником. Об этом свидетельствует академик В. П. Потемкин: «Имеются сведения, что, сделав в Париже своё воинственное предложение, Пилсудский всту-

пил в секретные переговоры с германским военным атташе в Варшаве генералом Шиндлером»⁴⁰.

Вступить-то он вступил, да вот только бывший ефрейтор поначалу заупрямился. Через вице-канцлера Ф. фон Папена было публично заявлено об агрессивных замыслах Польши, а Зюк* в ответ через «Газету Польскую» публично опроверг подобные намерения, напомнив при этом о предложенном Польшей пакте о ненападении⁴¹. Он действовал весьма продуманно и осмотрительно, т. к. была проведена не всеобщая, а лишь т. н. «пробная», то бишь учебная мобилизация**, но она была проведена^{42!!!}

Дабы сделать свежее испеченного германского канцлера более понятливым относительно необходимости встать на путь переговоров была развернута грандиозная деятельность, направленная на то, чтобы тот осознал, что сторонники маршала знают себе цену, у них есть выбор, и они могут сговориться против него с его заклятыми врагами. В зарубежной и значительной части польской прессы, дипломатических кругах была создана атмосфера наличия существования (виртуального. — С. М.) секретного польско-советского антигитлеровского пакта. К началу апреля этот процесс набрал значительные обороты, свидетельством чего можно рассматривать письмо члена Коллегии НКВД Б. С. Стомонякова полпреду в Польше В. А. Антонову-Овсеенко. «В прессе разных стран появляются неверные сообщения, исходящие в основе из польских источников, о заключении между Польшей и СССР далеко идущих соглашений и об установлении единого фронта Польши и СССР против Гитлера. Дело доходит до того, что полуофициальные представители польского правительства, вроде Литауера, и корреспондент ПАТ или „Газеты Польской“, не стесняясь присутствия первого секретаря полпредства т. Толоконского, уверяли английских собеседников в наличии соглашения между Польшей и СССР, позволяющего первой сосредоточить свои силы против Германии. Аналогичное заявление было сделано недавно одним из французских депутатов на заседании комиссии по иностранным делам палаты депутатов. Во всей Прибалтике твердо распространено убеждение, что Польша и СССР окончательно договорились и что вследствие этого заключение

* Так к польскому вождю имели право обращаться лишь самые близкие соратники.

** По просьбе наркома Литвинова от 3 апреля, эти данные 8 апреля ему предоставил германский посол в Москве Х. Дирксен.

блока между прибалтами и Польшей не может быть направлено против СССР, а исключительно против Германии. Даже такой политик, как Циеленс*, заявляет об этом открыто, ссылаясь многозначительно на то, что он имеет абсолютно аутентичную информацию о полной договоренности между Польшей и СССР**.

Наряду с кропотливой деятельностью по распространению слухов о создании Москвой виртуального антигитлеровского пакта, для пущей достоверности осуществлялись прямые контакты с официальными советскими учреждениями и персонами. 30 апреля в советскую столицу с недельным визитом отправился главный редактор «Газеты Польской» Б. Медзинский⁴³. Одновременно по приглашению польского руководства с 1 по 14 мая 1933 г. в Варшаве находилась советская хозяйственная делегация, возглавляемая замнаркома внешней торговли СССР И. В. Боевым. В результате переговоров была достигнута договоренность и подписан протокол о расширении товарооборота между обеими странами⁴⁴. 1 мая 1933 г. Пилсудский в присутствии министра Ю. Бека принял полпреда В. Антонова-Овсеевко, избегая в разговоре с ним затрагивать политические темы⁴⁵.

Напустив страху на вождя тевтонов, «дедушка» рассудил, что настало самое время взять первого за грудки. 2 мая польский посланник в Берлине А. Высоцкий, явно разыгрывая советскую карту, поставил перед германским канцлером в ультимативной форме вопрос о дальнейших польско-германских отношениях. Подобный демарш и в такой же форме произвел в Варшаве Бек в отношении германского посланника Г. Мольтке⁴⁶. Подростерявшемуся Гитлеру ничего не оставалось как приободрившись ответить, что готов поддерживать и развивать эти отношения «на основе существующих договоров», а это косвенно подтверждало соблюдение германским руководством территориального статус-кво⁴⁷. 17 мая 1933 г. он выступил с заявлением, заверив, что ни одно германское правительство не нарушит по собственной инициативе договоров, заключенных в 1919 г.⁴⁸

Лишь добившись от Гитлера желаемого Пилсудский приказал передислоцировать войска с прусских

границ к Вильно на большой военный смотр⁴⁹. В самом деле, было победно завершено крупнейшее военно-дипломатическое действие — стусевавшийся фюрер вынужден был зауважать «дедушку», а теперь можно было и вволю помаршировать, оркестр послушать, на трибуне покрасоваться в маршальском облачении. Действительно, было, что отметить. По мнению нашего полпреда Антонова-Овсеевко: «Демаршем 2 мая Польша, уже используя улучшение с Советским Союзом, вступила на путь непосредственных переговоров с Германией»⁵⁰.

Для того, чтобы процесс сближения продвигался быстрее из Берлина был отозван А. Высоцкий, с которым у канцлера могли ассоциироваться не самые приятные воспоминания, а на его место стала рассматриваться кандидатура начальника Западного отдела МИД Ю. Липского. А пока суть да дело следовало дать понять как Берлину, так и заинтересованным кругам на Западе, какой видится правящим кругам Польши основа предстоящего сближения, так сказать обозначить его вектор.

Прежде всего, было необходимо привлечь внимание, поэтому в конце августа со страниц уже нам знакомой «Газеты Польской» ее главный редактор Б. Медзинский во всеуслышание заявил о том, что польская политика полностью независима и самостоятельна⁵¹. Вскоре после этого видный деятель близкой к пилсудчикам политической группировки земельных магнатов, экс-министр иностранных дел князь Э. Сапега сделал доклад.

Это было ни что иное, как программа превращения Польши в «великую державу путем колониального освоения территорий и природных богатств Советского Союза», к реализации которой любезно приглашалась Европа. Сапега рисовал заманчивую картину преобразования последней в «великую хозяйственную единицу» при условии получения русско-сибирского «хинтерлянда». А поскольку Польша «не может вести внешней политики в отрыве от больших хозяйственных вопросов, которые теперь руководят миром, [то] интерес Европы есть интерес Польши». Не без некоторой доли театральности был

* Председатель комиссии по иностранным делам сейма Латвии.

** Этот камуфляж длился в течение всего лета. В период с 9 по 22 июля по приглашению польского руководства там принимали заведующего Бюро международной информации К. Радека, который не был принят Пилсудским, в отличие от председателя данцигского сената Г. Раушнингга. В беседе заместителя НКВД СССР Н. Крестинского с послом Италии в СССР Б. Аттолико 14 августа 1933 г. последний заметил, что «Польша стремится повсюду создать впечатление, что по инициативе СССР создается какой-то блок восточно-европейских государств, направленный против соглашений западных государств».

поставлен риторический вопрос: в каком качестве видит себя последняя — в качестве передового поста Европы, распространяющегося на Восток, или же барьера, защищающего Восток от наступления Европы. Бывший глава польского МИД решительно ответил: «Мы должны быть передовым постом Европы» и добавил, что «реальной нашей задачей должно быть договориться с нашим западным соседом»⁵².

Последний раздумывал не слишком долго и во время сентябрьской сессии Ассамблеи Лиги наций германский министр иностранных дел Нейрат предложил своему польскому коллеге встретиться. 25 сентября в Женеве Бек имел встречу с ним, а 26 сентября — с министром пропаганды третьего рейха Й. Геббельсом.

Во время бесед выяснилось обоюдное стремление к дальнейшему сближению, причем это сотрудничество должно было носить исключительно двусторонний характер, не допускалось какое-либо привлечение к нему третьих стран или международных организаций⁵³. В связи с этим И. В. Михутина утверждает, что «заинтересованные правительства уже тогда рассматривали польско-германское сближение в ракурсе их планов в отношении СССР»⁵⁴. В частности, итальянский представитель при Лиге наций не только считал, что между Польшей и Германией шло соперничество за то, кто будет «организовывать» Россию, но и что «поляки выиграли первый матч»⁵⁵.

Поскольку подготавливаемый «санационными» властями политический тандем с Германией не имел широкой общественной поддержки в польском обществе, то возникала проблема его соответствующей обработки. В связи с этим возросло количество статей в польской прессе, посвященных необходимости польско-германского сотрудничества. Так, 26 сентября 1933 г. в рупоре крупных землевладельцев краковском «Часе» была помещена статья «Наше отношение к Германии», в которой говорилось: «Мы стремимся к соглашению с Германией, ибо оно важно и для поляков, и для немцев, а также служило бы укреплению мира и изгнало бы беспокойство, тревогу, страдания, нищету из многих тысяч домов в Польше и Германии. Мы хотим соглашения потому, что польский народ не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Германии и ему не нужно ни пяди земли»⁵⁶. Созвучные статьи появились в виленском «Слове» и в «Дзеннике познанском».

При наличии обоюдного согласия процессы, как известно, имеют тенденцию продвигаться намного быстрее. 3 октября в Берлин прибыл новый посланник Ю. Липский и дело польско-германского сближения, устраивавшееся под покровом тайны, заладилась. Не обошлось, как водится и без шероховатостей⁵⁷, но, так или иначе, 26 января 1934 г. «пакт Липский–Нейрат» был подписан, а через месяц, 24 февраля в Варшаве произошел обмен ратификационными документами⁵⁸.

Получив в свое распоряжение наряду с японским и германский поводок маршал оказался на пороге нового, необыкновенно значимого с точки зрения его жизненных и внешнеполитических приоритетов, этапа. Это было начало заветной реализации восточных планов — раздел России в отместку за разделы Польши, сулившего воссоздание не только «былого величия», но создание новой федеративной Великой Польши. Но его подготовку следовало продолжать с соблюдением величайшей секретности, в глубочайшей тайне, а с внешней стороны требовалось наложить камуфляж, получивший название «нового курса».

Накануне ратификации произошло событие, свидетельствовавшее о наличии существенных изменений польской внешнеполитической программы. 20 февраля 1934 г. председатель иностранной комиссии сената Я. Радзивилл⁵⁹ произнес речь на банкете, устроенном редакцией консервативной газеты «Час». Он, в частности, заявил, что «на пользу Польши пошла изменение обстановки в Германии и угроза СССР со стороны Японии». В особенности обращало на себя следующее его высказывание: «Нам помогло то обстоятельство, что наш великий восточный сосед, столь грозный для нас несколько лет тому назад, все более запутывается в дальневосточной политике, *результаты которой сегодня трудно предвидеть*» (курсив наш. — С. М.). 22 февраля 1934 г. он прибыл в Вильно, где встретился с политическим активом из числа местного истеблишмента и польской аристократии и обрисовал новые политические перспективы на востоке в связи с приближавшейся ратификацией «пакта Липский–Нейрат»⁶⁰.

Князь Радзивилл был представителем древнего аристократического рода и одним из авторитетнейших людей в польском руководстве, представляя интересы 100 богатейших семейств Польши, имевших немалое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Его слова о возросшей угрозе России со

стороны Японии, из которой Польша может извлечь выгоду, произнесенные в кругу консерваторов-радикалов «Часа», стали свидетельством изменения приоритетов в польской внешней политике. Если Бек перечислил Пилсудскому в декабре 1931 г. 4 приоритетных направления — Гданьск*, Литву, проблему нацменьшинств и Тешенскую Силезию⁶¹, то речь Радзивилла в совокупности с сентябрьским 1933 г. докладом князя Сапеги свидетельствовала о том, что польские правящие круги склонны делать основную ставку на восточное направление. Его последующая поездка в Вильно продемонстрировала намерение пилсудчиков присовокупить решение литовской проблемы к своим восточным планам.

Через несколько дней нацистская печать широко прокомментировала под одобрительными заголовками княжеское послание, обращая особое внимание на его слова, что «внутренней необходимостью каждого небольшевистского государства является защита от большевистской заразы»⁶². Столь активная реакция германской прессы свидетельствовала, что в Германии подходят к восточным проблемам сходным образом и возможно взаимодействие на этом направлении и участие в нем Японии.

Менее чем через месяц, 16 марта 1934 г., лондонское агентство «Уик» заявило о тайных намерениях Берлина и Варшавы. В частности, речь шла о том, что между Польшей и Германией существует общая договоренность относительно плана Розенберга⁶³. Агентство добавляло, что за последние две недели все эти предположения получили новую пищу в связи с тем, что Япония внезапно заняла более угрожающую позицию в отношении СССР. И в заключение обращало внимание на открытую поддержку Японии британскими кругами, которые отправили делегацию промышленников в Манчжоу-Го и опубликовали ряд статей в «Таймс»⁶⁴.

К прессе, безусловно, следует прислушиваться, а что же говорят на этот счет документы, например, рабочие записи польского замминистра иностранных дел графа Я. Шембека? Он сообщает, что 12 апреля 1934 г. в Генеральном инспекторате⁶⁵ состоялось совместное секретное совещание командования Войска Польского и МИД, где маршал поставил вопрос: «Германия или СССР представляет для Польши

большую угрозу?»⁶⁶ Позднее по его же предложению была создана специальная аналитическая лаборатория во главе с генералом К. Фабрыцом⁶⁷, призванная «исследовать проблему нарастания военной угрозы со стороны Советского Союза и Германии»⁶⁸.

Деятельность польского вождя в деле подготовки агрессии на СССР подобна айсбергу, состоящему, как известно, из надводной и подводной части. Первая отражена у Шембека, а вот вторую можно проследить на основе донесений агента советской разведки, имевшего доверительные отношения с кем-то из ближайшего окружения маршала. В конце июня 1934 г. тот сообщал, что развивалось *польско-германское* военное сотрудничество. В частности, разрабатывался вопрос об унификации вооружения обеих армий и о перебазировании вооружения польской армии с французской на германскую военную промышленность. В организационном плане этот процесс протекал в рамках постоянно действовавших на тот момент взаимных военных комиссий — польская располагалась в Берлине, а германская — в Варшаве. Действовали на тот момент они уже в течение определенного времени т. к. количество членов комиссий было увеличено с 7 до 10 человек, а фамилии пяти были известны — полковник Обертгынский⁶⁹, полковник Лангер⁷⁰, полковник Альбрехт⁷¹, майор Войчеховский и майор Стайфер. В тот момент в Германии, под предлогом лечения, находился и вел дела по специальному заданию Пилсудского командир Краковского корпуса — генерал А. Нарбут-Лучинский⁷² Работу польской комиссии направлял никто иной, как уже известный нам бывший вице-министр военных дел генерал Фабрыцы, который ведал всей политикой военного сотрудничества с Германией. Оказывается, что он секретно посещал Берлин осенью 1933 г., а также в марте и мае 1934 г. Его адъютантом, выполнявшим роль секретаря и специального курьера по поездкам в Берлин, являлся полковник Главного штаба А. Роснер⁷³.

Выходит, что совещание, о котором упоминает граф Шембек было ни чем иным, как военной хитростью со стороны Пилсудского, стремившегося закамouflировать это самое польско-германское военное сотрудничество, подготавливавшее агрессию против СССР.

* Польская традиция неизменно применяла свой вариант применительно названию города, в то время как германская использовала «Данциг».

Если политикой военного сотрудничества с Германией ведал Фабрыцы, то военные дела с Японией были доверены никому иному, как самому начальнику Главного штаба генералу Я. Гонсиоровскому⁷⁴. Однако основным направлением на тот момент у последнего было французское. Дело заключалось в том, что на берегах Сены существовала влиятельная группировка «Гардые⁷⁵–Вейган⁷⁶», сторонников войны с Советским Союзом, в планах которой был приход к власти, придание ей милитаристского характера и заключение военного союза с Гитлером. Для сношений с французами ему был придан секретарь-курьер подполковник К. Глябиш⁷⁷. Деятельность генералов Фабрыцы и Гонсиоровского велась раздельно и объединялась лично Пилсудским.

Агент также сообщал, что движителем антисоветского заговора был Лондон, где прочно обосновалась группировка «Норман⁷⁸–Хейлшем⁷⁹», активно подготавливавшая финансово-политическую подготовку будущего вторжения. Её основной целью было добиться заключения франко-германского военного альянса в качестве необходимого условия для начала японского вторжения на советский Дальний Восток. Незадолго до этого на берегах Темзы побывали генерал Вейган, начальник Восточного отдела польского МИД Т. Шетцель и представитель Гитлера⁸⁰. Для проведения политики натравливания и ускорения нападения Японии на СССР данная группировка продвинула назначение на должность английского посла в Токио своего человека, «ярого советофоба» Р. Клайва⁸¹.

Укрепление нацистско-пилсудчиковской «спайки» осуществлялось на тот момент при помощи уже засветившегося на встрече в Женеве с Беком посредника — Й. Геббельса. Агент сообщал о некоторых недоступных вниманию прессы подробностях июньского визита последнего в Варшаву. В частности о секретном приеме, где кроме гостя и маршала присутствовали еще Фабрыцы и Бек. Договорились, что уровень польского и германского дипломатических представительств будет повышен до уровня посольств. В Берлин с официальным визитом прибудет глава Вежбовой⁸², дабы подготовить последующие визиты Гитлера в Варшаву, а Пилсудского в рейх. Особенно по сердцу последнему пришелся тот факт, что Геббельс подтвердил, что Германия цели-

ком разделяет его точку зрения по русскому вопросу, т. е. «политику дробления России». Гитлеровский министр произвел на окружение Пилсудского «сильное и выгодное впечатление», а «дедушка» настолько проникся к колченогому визитеру, что даже удостоил того грубоватого, в своем специфическом духе комплимента: «Смаркатый^{*}, но умный».

Представляется, что несомненного интереса заслуживает и приводимое агентом мнение окружения Пилсудского относительно войны Японии с СССР. Пилсудчики считали, что ее нападение на страну Советов неизбежно и произойдет как только она закончит свое перевооружение. Это могло случиться даже в течение 1934 г. в силу целого ряда весомых причин. Во-первых, ни одна из великих держав не может ей помешать, во-вторых, ей нужно воевать до предстоящей морской конференции, т. к. в ее ходе великие державы могут сговориться и помешать ей, в-третьих, тамошние верхи уверены, что начав войну с СССР, они не останутся в одиночестве, т. к. пилсудчики и гитлеровцы, воспользовавшись случаем, также нападут на русских, даже если не наступит франко-германо-польское соглашение. В-четвертых, Советам никто не поможет, а самураев поддержат материально, в-пятых, обессиленные экономическим кризисом США на несколько лет останутся нейтральными. Исходя из этого, Фабрыцы и Гонсиоровский были уверены в безусловном поражении Красной Армии, которая не имела обеспеченных тылов внутри страны.

Агент на основании личных впечатлений от разговоров и встреч делал весьма настораживающий вывод, что, по его мнению, «возможность интервенции против СССР никогда не вырисовывалась в столь реальном виде, как в настоящее время»⁸³. Его информация убедительно свидетельствовала, что на тот момент мечты «дедушки» были на начальной стадии их претворения в реальность.

Следующее сентябрьское донесение незримого друга первого в мире рабоче-крестьянского государства уже не оставляло никаких сомнений в том, что контуры надвигающейся беды становятся все более реальными. Оно свидетельствовало о качественном изменении отношений между участниками антисоветской триады. Его проводником выступил бывший японский военный министр генерал С. Араки⁸⁴, кото-

* Т. е. «сопливый».

рый в июле передал личное послание Пилсудскому⁸⁵, сообщив, что одним из поводов к нападению на СССР может стать КВЖД⁸⁶. Но не это было главное. Автор послания далее сообщал, что приходится медлить с началом войны из-за состояния авиации, для усиления каковой Японии нужно повременить с войной до марта–апреля 1935 г. Тем не менее, если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что «они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, — то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации».

По сути это уже был пусть неофициальный, но союз и поэтому формы сотрудничества стали теснее. 27 июля между Пилсудским и Гитлером было заключено новое «джентельменское соглашение», один из пунктов которого обязал Польшу и Германию «не примыкать к Восточному пакту⁸⁷ без предварительного взаимного согласования этого вопроса». В случае же заключения Восточного пакта без участия в нем Польши и Германии они принимали обязательство заключить оборонительный военный союз против СССР и Франции. В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества — Берлин и Варшава должны были заключить с Токио военно-оборонительные союзы.

Имело место строго законспирированное продолжение работ польской, во главе с генералом К. Фабрыцы и германской, во главе с генералом В. Райхенау⁸⁸, военных комиссий. Первая работала в Германии, вторая в Польше. Причем члены германской комиссии проживали в частном порядке на квартирах у офицеров польского Главного штаба. В частности, Райхенау в начале августа приезжал в Варшаву и прожил 3 дня на квартире у Фабрыцы. Среди прочего имело место взаимное изучение мощности военной промышленности обеих стран, пересмотр военного плана с ориентировкой на германскую и на унификацию польского и германского вооружений.

Содержались в донесении новости и от группировки «Норман–Хейлшем», в частности о том, что между Японией и Англией вскоре будет заключено тайное соглашение о разделе влияния в Китае и последняя предоставляет первой свободу действий против СССР. Лондон должен был занять добро-

желательный нейтралитет по отношению к Токио и открыть ему крупные кредиты на ведение войны.

Вполне естественно, что от неофициальных, но искренних европейских союзников Токио требовался ответный жест. Неудивительно, что 10 августа польское и германское правительства дали словесные заверения японским посланникам в Варшаве и в Берлине в том, что Польша и Германия не подпишут Восточного пакта.

Содержались в донесении новости и от группировки «Тардые–Вейган», в частности, о визите в Варшаву, встречах с Пилсудским, Гонсиоровским, Бекком, ее члена генерала Дебенея⁸⁹. Однако, судя по всему, несмотря на взаимное стремление к сближению, на данном направлении дела складывались не слишком удачно. С одной стороны, сообщалось, что «группировка Тардые–Вейган не будет противодействовать в русском вопросе Польше, т. е. не будет препятствовать раздроблению России на ряд национальных государств». С другой же, Гонсиоровский и Бек поделились информацией, что Пилсудский перестал верить данной группировке и их «отношения накануне разрыва».

Более того, сам источник считал, что «Польша в настоящее время находится на пороге своего полного разрыва с Францией. К этому определенно ведет курс Пилсудский, считая, что Франция не сможет противодействовать польско-германским планам, а, захваченная событиями и совершившимися фактами, либо вступит в будущем в польско-германскую коалицию, либо будет нейтральна в предстоящей интервенции против СССР»⁹⁰. «Политика свершившихся фактов» вещь, конечно, сильная, тем более, если ее собираются вершить столь искушенный игрок, как польский диктатор.

В этом месте, пожалуй, стоит упомянуть о любопытном совпадении, касательно обстоятельств, препятствовавших началу развязывания агрессии против СССР в 1934 г. Если в стране восходящего солнца имела место проблема с военной авиацией, модернизацию каковой предполагалось завершить к лету следующего года, то у гитлеровских стратегов также наличествовала проблема технического характера, но посерьезнее — отсутствие в достаточном количестве собственных горюче-смазочных материалов. Поскольку после Первой мировой войны Германия была лишена колоний, а собственными нефтяными месторождениями она на тот момент не

располагала, то её руководству предстояло каким-то образом решить эту проблему. Одним из путей стало получение синтетического бензина из угля, производство которого, по некоторым данным, помогли наладить в Германии в 1933 г. американские кампании. Но, поскольку объемы его производства были недостаточными, то для ведения военных действий требовалось произвести масштабные закупки нефти опять же у американских и английских нефтяных концернов. С этой точки зрения представляет определенный интерес следующая информация. Американский консул в Гамбурге Д. Эрхардт докладывал своему шефу в Берлине послу У. Додду, что в июле 1934 г. рейхсминистерство экономики представило международным концернам («Шелл», «Англо-першн», «Стандард ойл») план, по которому в Германию предполагалось ввезти 1 млн т нефтепродуктов в кредит на сумму около 250 млн долларов. Цель данного приобретения не была тайной для американского дипломата. С чисто профессиональной проницательностью он объяснил создание этого т. н. «национального резерва» — «на крайний случай или, говоря другими словами, на случай войны»⁹¹. 1 ноября в Берлине был подписан англо-германский договор на поставку рейху этого самого миллиона тонн нефти⁹², поставки которой могли быть завершены лишь к лету 1935 г.

Теперь самое время обратить наше внимание на октябрьское донесение советского агента, этого удивительного человека, сыгравшего весьма весомую роль в предотвращении реализации заветных планов маршала — разделить и тем самым унижить Россию. Он информировал: «Польша в своей внешней политике в настоящий момент исходит из глубокой уверенности, что война между СССР и Японией наступит в недалеком будущем, и что это обстоятельство, в свою очередь, послужит сигналом для коренных перемен в Европе».

Дальше — больше, источник продолжал: «В ожидании подобных событий Польша стремится уже сейчас, оградить себя от возможных потрясений в будущем и поэтому впредь ее внешняя политика будет основываться на следующей программе действий». Далее следовала программа из восьми пунктов, причем обращал на себя внимание третий: «Политику Франции Польша считает ошибочной, поэтому она решила договориться непосредственно с Германией, воспользовавшись нынешним тяжелым положением последней». Эйфория, царившая среди пилсудчиков,

лишила их элементарного умения видеть последствия своих действий — ведь «тяжелое положение последней» не будет длиться целую вечность, и тогда она может этак строго спросить: «Назвались вы, братья-пилсудчики, груздями, так полезайте в кузов». Впрочем, оставив в стороне этическую сторону завершающей фразы предложения, вернемся к донесению.

Похоже, что маршал к тому моменту действительно решил отказаться от совместных планов с не слишком надежными, на его взгляд, французскими политиками. Париж теперь мало интересовал тогдашних варшавских руководителей, что с них взять, не видят своей выгоды, другое дело Лондон, вот там умеют видеть деловые горизонты, открывающиеся в связи с перспективами «второй русско-японской войны».

Источник информировал: «В Варшаве убеждены, что война между СССР и Японией неизбежна и начнется не позже 1935 года. В Варшаве знают, со слов Идена⁹³, что Англия также считает эту войну неминуемой и ждет ее начала с нескрываемым нетерпением, причем поляки знают, что Англия будет поддерживать Японию».

По сведениям Варшавы Лондон обращает мало внимания на европейские дела, считая их мелочными в сравнении с тем, что произойдет на Дальнем Востоке. С возникновением дальневосточной войны европейские дела, по мнению Лондона, будут пересмотрены заново.

Англия, согласно польских данных, настолько жаждет столкновения на Дальнем Востоке, что стала помогать Японии своими разведывательными силами — чего раньше не наблюдалось. Японцы, по тем же данным, ведут весьма активную дипломатическую подготовку к войне в Лондоне, Берлине, Риме и Варшаве».

Вот оно в чем дело, оказывается увлеченность, которая сродни эйфории, передалась пилсудчикам некими ветрами через Ла-Манш. Но как сvezло дальневосточному союзнику, ведь Альбион с ним носитися прямо как с родней. А что же новоявленный тевтонский собрат по оружию?

Источник не оставил и его без внимания: «Польша верит в твердое положение Гитлера; она также уверена, что Гитлер справится с трудностями внутреннего характера и добьется осуществления своих планов в отношении присоединения к Германии всех земель, населенных немцами (Австрия, часть Швейцарии и Чехословакии).

Польша будет поддерживать Германию в вопросе аншлуса и ревизии трактатов. Наиболее влиятельные люди из правительственного блока, как Славек⁹⁴, Матушевский⁹⁵, Коц⁹⁶, Свистальский⁹⁷, Шетцель, Радзивилл, Маковский и др., стоят за военный союз с Германией и в лице представителей польской армии встречают поддержку этой идеи.

В настоящий момент между Польшей и Германией ведутся в Берлине переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнений на Дальнем Востоке»⁹⁸.

Завершающее предложение свидетельствовало о том, что польско-германское военное сотрудничество не было пустым звуком и настолько продвинулось вперед, что уже разрабатывались планы совместных действий на европейском театре возможных военных действий. Знаете ли, вдруг возьмет да и последует осложнение на Дальнем Востоке. Кстати, в связи с этим хотелось бы процитировать часть еще одного документа из «личного архива». Еще в 20-х числах мая ИНО ОГПУ сообщал: «Недавно завербованный мексиканский консул в Шанхае Морисио Фреско получил из кругов, близких к Чан Кайши информацию, что Япония в течение ближайших 1–2 месяцев начнет войну с СССР с бомбардировки Владивостока»⁹⁹. Другими словами, японский вектор мог проявить свою антисоветскую суть в любой момент, очень многое зависело от согласованности действий и атмосферы доверия внутри самой триады.

Поскольку время неумолимо летело вперед, то весьма скоро могли сказаться результаты качественного характера касательно военного взаимодействия между вновь объявленными союзниками. Весьма любопытная информация по этому поводу содержится в декабрьском донесении советского агента из логова пилсудчиков. Тот со ссылкой на генерала Гонсиоровского сообщал, что в начале октября в Берлин на переговоры прибыла японская военная миссия, на которых последний сам присутствовал в течение двух дней. Поляки и немцы, опасаясь, что в период антисоветской интервенции США могут занять позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Москве, «поставили вопрос о переговорах в зависимости от уступок Японии в вопросе равенства в морских вооружениях». Однако японцы наотрез отказались «вести переговоры в зависимости от японских уступок в морском вопросе», запросили Токио, но ответ был задержан. Следовательно, воен-

ный договор между участниками триады еще не был подписан, и угроза советскому Дальнему Востоку перемещалась, скорее всего, на 1935 год.

Впрочем источник отмечал, что в связи с полученными в Варшаве от «группы Норман–Хейлшем» сообщениями о том, что в скором времени между Лондоном и Токио состоится подписание соглашения, направленного против Москвы, в последнее время ситуация изменилась, и маршал готов пойти навстречу японцам — а именно, отказаться от требований уступок американцам в морских переговорах.

В донесении, среди прочего содержалась весьма важная информация о том, что Германия вскоре получит от англо-американских банков крупный заем, 100 млн. зол. долларов, часть которого предназначена для Польши. В связи с этим министр Бек на рождественские праздники должен был отправиться к польскому посланнику в Копенгаген для совещания с представителями группировок «Норман–Хейлшем» и «Тардьё–Вейган». Предполагалось, что Гонсиоровский будет ожидать окончания переговоров Бека и с учетом их результатов отправится в Берлин. Первый, якобы сказал: «Нам теперь приходится спешить, так как в случае заключения франко-советского союза, мы можем опоздать, а главное немцы нас подводят, они готовы делать дело без уступок Японии в вопросе морских вооружений; немцы настаивают на скорейшем подписании военного соглашения между Германией, Польшей и Японией».

Из всех участников триады немцы были настроены наиболее по-деловому. В качестве жертвы для реализации основной цели — антисоветской агрессии они были готовы принести даже неблагоприятные результаты грядущего плебисцита в Саарской области. Агент сообщал, что «Гитлер через Липского дал Пилсудскому заверение, что самый плохой для Германии результат саарского плебисцита будет Германией принят безоговорочно во имя консолидации и устойчивости положения в Европе, что совершенно необходимо для осуществления главной задачи, главного и основного плана — разгрома СССР и раздробления России на части».

Что касается боевого духа и настроенности в стане союзников на реализацию задуманного, то у агента не было никаких сомнений. «В Варшаве имеются заверения от токийских друзей-единомышленников о том, что продажа КВЖД не мешает Японии найти весьма существенные поводы для новых конфликтов

с СССР. В Варшаве уверены, что немедленно после ликвидации спора о КВЖД — Япония поставит перед СССР новые требования, а именно: а) вопрос об объединении Внешней и Внутренней Монголии¹⁰⁰; б) может быть даже — уступку Владивостока».

Значительная часть данного донесения, была посвящена Франции, где, среди прочего, предполагалось провести массовые беспорядки через фашистскую организацию полковника де ля Рока¹⁰¹, которые должны были привести к отставке правительства П. Фландена¹⁰² и приходу к власти ставленников группировки «Тардьё–Вейган». «Именно на организацию де ля Рока у Пилсудского сейчас наибольшая ставка, так как в ней военные люди, а не „болтуны-политиканы профессионалы, вроде самого Тардьё“».

Немалые надежды маршал возлагал на П. Лавалья¹⁰³, предполагалось, что тот встретится с Гитлером и «это уже будет началом открытых переговоров между правительствами Франции и Германии». Агент на основании бесед с Беком, Фабрыцы и личных выводов считал «факт франко-германских переговоров делом чрезвычайно серьезным, так как в случае франко-германского соглашения — старая идея Пилсудского — создание блока Польша — Германия — Франция — может вскоре оказаться реальной, а факт создания этого блока уже есть начало интервенции против СССР».

Касательно заключения Восточного пакта польский вождь оставался непреклонен. Получив из Парижа сообщение о том, что по данному вопросу Франция посылает в Варшаву ноту, составленную в духе Барту, маршал отправился в Вильно и провел внеплановые военные маневры, предписав их широкое освещение в печати. На случай заключения франко-советского союза предполагалось, среди прочего, ответить «официальным польско-германским оборонительным союзом», расторжением польско-французского союза, выходом Польши из Лиги наций и заключением открытого польско-японского военного союза. Пилсудский, якобы, сказал Беку: «Пакт не подпишем ни при каких обстоятельствах»¹⁰⁴.

Таким образом, в стане союзников к концу 1934 г. присутствовали как согласованные моменты, так и пункты разногласия. Касательно отношения к Восточному пакту двух мнений быть не могло — Берлин, Варшава и Токи относились к нему резко отрицательно. Предстоящей агрессией против Советского Союза были заняты все их помыслы. Быстрыми темпами продвигалось польско-германское

военное сотрудничество на уровне штабов, которое занималось вопросами унификации вооружения. К этому времени значительные обороты набрала польско-японская военно-экономическая кооперация. Советник полпредства в Варшаве Б. Подольский сообщал 11 ноября замнаркома Б. С. Стомонякову, что японский Генштаб осуществляет широкое наблюдение за СССР из Прибалтики и Польши, а «польская военная и металлургическая промышленность имеет японские заказы»¹⁰⁵. Во многом благодаря активности польского торгового атташе в Токио Травинского¹⁰⁶ Япония разместила в Польше заказ на изготовление 100 тыс. винтовок, а также приобрела у нее лицензию на истребитель П-7. Ее предприятия выполняли военные заказы на стальной прокат, бронеплиты, трубы и турбины¹⁰⁷.

Однако военные договоры между союзниками, участниками триады, подписаны еще не были. Похоже, что и относительно течения самой агрессии взгляды их не совпадали, о чем свидетельствует документ от 1 февраля 1935 г., сформированный в недрах 2-го бюро французского Генерального штаба. В нем польский маршал предстает в роли опытного психолога. «По мнению Пилсудского, японский план об одновременной атаке [СССР] на востоке и западе не выдерживает никакой критики. Польша и Германия столкнулись бы с могущественно вооруженной армией, с нетронутым в моральном отношении населением и с таким советским правительством, престиж которого еще не поколеблен. Германским и польским войскам пришлось бы таким образом воевать в крайне невыгодных с психологической стороны условиях. Малейшая, даже частичная и преходящая неудача германской и польской армий (или даже просто отсутствие удачи на их стороне) могли бы очень быстро превратиться в катастрофу, в революцию в Германии или Польше».

Другими словами, «дедушке» виделась следующая заманчивая картина — японские самураи атакуют Дальний Восток и рубят в капусту русских коммунистов. Польская шляхта вкуче с германскими тевтонами внимательно следят за неудачами Красной Армии, возрастаящим недовольством рабочего и крестьянского населения, опадающим как осенние листья авторитетом советских властей и копят силы. А что же дальше?

Он пытается определить и выстроить психологию наиболее благоприятного момента для второго этапа предстоящей агрессии против Советской

России — польско-германского вторжения с запада. «Имеется, лишь один способ для того, чтобы победить Советы; он выражается в том, чтобы раньше деморализовать ее население и ее армию. Неудачи Красной Армии на Дальнем Востоке, а также продолжительность японо-русской войны могли бы вызвать деморализацию внутри России. Это явилось бы единственным подходящим моментом для нападения на ее западные границы»¹⁰⁸.

В определенной логике данным соображениям не откажешь. Польский вождь в некоторой степени напоминает даже опытного английского политика времен Второй мировой, скажем У. Черчилля, умудрившегося почти три года тянуть с открытием второго фронта. Т. е. в определенной заботе о польском, да и о германском солдате ему не откажешь. Вот только для японской стороны, на плечи которой на неопределенный срок ложился основной груз военной кампании, его соображения вряд ли были бы приемлемы. Тем более, что бывший военный министр Араки в своем июльском послании Пилсудскому четко оговорил — польско-германское нападение на западные границы СССР должно произойти на следующий день после японского на советский Дальний Восток. Выходит, что пилсудчики завели разговор на берлинских переговорах в октябре об уступках Токио в вопросе по морским вооружениям Вашингтону с тем, чтобы психологически подготовить японскую сторону к своей новой позиции по вопросу об отсрочке момента вторжения польских войск с запада после начала японского вторжения на советский Дальний Восток? Политика — это искусство возможного, поэтому в ней всякое бывает.

Неутоленные аппетиты участников коалиции двигали развитие ситуации к тому или иному логическому завершению, и о том, что на исходе 1934 г. замаячила видимость конкретных условий, при которых возможность интервенции против СССР может реализоваться в течение 1935 г. свидетельствует завершающее донесение из Варшавы от особо ценного информатора Кремля. Центральное место в нем занимают весьма важные итоги неофициального визита министра Бека в Копенгаген, где он провел важнейшие встречи.

Первая прошла 26 декабря в обстановке строжайшей секретности в кабинете польского посланника с уже известным нам полковником де ля Роком. Не доверяя французским политикам маршал делал

последнюю ставку на его организацию «Огненные кресты», где заправляли военные. Французский полковник нарисовал перед Бекком увлекательнейшую перспективу. Хорошо было бы, если бы генерал Вейган, в скором времени выходящий в отставку, возглавил его многотысячную организацию, которая подняла бы массы и свергла бездарное правительство Фландена. «Фашистская Франция станет на польско-гитлеровскую точку зрения необходимости раздела России». Новый правитель заключил бы через Лаваля договор с Гитлером, франко-германо-польский союз стал бы реальностью, а там и до интервенции против СССР рукой подать. Дело осталось за малым — необходима небольшая финансовая ссуда, мелочь, пустяк — 1,5 миллиона франков. Тем более, что она необходима на короткий срок, и он ее вернет.

Не помнящий себя от радости Бек живо сострепал донесение Пилсудскому и тот, хотя и отнесся к нему сухо, распорядился средства на благое дело выделить. 4 января будущий польский посол в Париже Ю. Лукаевич¹⁰⁹, кстати присутствовавший на встрече с де ля Роком в Копенгагене, лично вручил последнему первую часть суммы — 750 000 франков, передав на словах, что оставшуюся часть он получит через месяц.

Хотелось бы сказать буквально несколько слов о данном, как бы это удачнее сформулировать, предприятии. Хотя по авантюрному духу, исходящему от него, ему скорее подошел бы термин что-то наподобие «Операция BI». Кто-то спросит да почему же? Ведь министр Бек и вождь Ю. Пилсудский пытались приблизить исполнение своих заветных планов и по мере сил способствовали этому. Да потому, что не складывались по жизни отношения ни у первого, ни у второго со страной-«европейской колыбелью революций». Последний, несмотря на то, что после воссоздания независимой Польши был провозглашен «начальником» государства, не был приглашен в 1919 г. на Парижскую мирную конференцию, учитывая, среди прочего, его участие в боевых действиях во время Первой мировой на стороне Австро-Венгрии.

Первый был назначен в начале 1920-х гг. в Париж военным атташе. Однако тамошняя контрразведка пронюхала, что он, якобы, является германским агентом, устроила ему классическую «подставу» и в результате полковник Бек был выставлен в 24 часа из Франции. Большинство людей стремится учиться на ошибках, своих ли, чужих ли в течение жизни. Кто-то

спросит к чему столь долгая присказка? Да к тому, что полковник де ля Рок — имел все признаки «подсадной утки» французской контрразведки, таких «мутных» типов за версту обходят. Возникает вопрос, почему же столь крупные, опытные и умудренные жизнью политики как Бек и Пилсудский клюнули на эту сомнительную приманку? Ответ частично содержится в информации данного источника о второй встрече главы польского МИД в Копенгагене.

28 декабря тот имел секретное совещание с представителями группировки «Норман–Хейлшем». Да не с кем-нибудь, а с самим директором Английского банка М. Норманом, и постоянным вице-министром Форин офис сэром Р. Ванситтартом¹¹⁰. Последний неизменно пользовался репутацией если не друга СССР, то сторонника просоветского направления. Речь на нем шла о том самом вожделенном займе для Германии и Польши величиной в 500 миллионов золотых американских долларов для обеспечения финансовой стороны интервенции против СССР. Почти треть суммы была обещана режиму «санации». Заминка возникла со сроком его выпуска.

«Норман заверил, что, как только будет улажен вопрос франко-германского сближения, заем будет немедленно реализован. Дать Польше заем раньше этого срока Норман считает неудобным, так как в этом займе, по мнению Нормана, должен участвовать не только английский капитал, но обязательно и французский. Норман считает это необходимым по политическим соображениям, так как сам факт участия французского капитала в германо-польском займе явится наилучшим залогом германо-французского сближения, а также началом экономического бойкота СССР, совершенно необходимого на период организации антисоветского фронта. Норман полагает, что в течение месяца-двух заем будет реализован».

Другими словами, заветная цель — сведение счетов с проклятущими Советами была столь близка, что и польский вождь, и его верный министр потеряли элементарную бдительность. Ведь хитрый французский полковник нарисовал столь привлекательную и заманчивую картину скорого устройства франко-германского союза, что устоять было практически невозможно. А денюжки польские, скорее всего, он не вернул, и осели они, вполне вероятно, в специальных сейфах Сюрте Женераль.

Какие же еще важные вопросы обсуждались на этом совещании? Немаловажное место заняли

сроки начала интервенции. Англичане считали, что торопиться с этим делом не следует, а предпочтительно, среди прочего, «подождать, когда хозяйственная система СССР приведет к краху, на почве коего в СССР наступит политический кризис, в результате чего и начнется гражданская война». И вот тогда-то и начать эту самую интервенцию во время кризиса.

Польский собеседник, дискутируя с англичанами касательно их аргументации, показал себя чуть ли не пророком. Бек соглашался с англичанами во всем, но только не с моментом срока интервенции. Он утверждал, что поляки лучше знают Россию, чем англичане и доказывал, что в СССР резко меняется политика и через два–три года Москва неминуемо перейдет на рельсы национальной политики. Именно эта политика СССР родит патриотизм и воодушевление населения, а Красная Армия превратится в национальную русскую армию. Следовательно, в этом случае может отпасть самый вопрос о разделе СССР на части, так как у Польши нет уверенности в том, что при этих условиях не только Франция, но и Германия откажутся от интервенции, так как могут быть заинтересованы в существовании сильной, единой России.

Порешили на том, что обсуждение вопроса о сроках начала интервенции против СССР до заключения франко-германского соглашения носит преждевременный характер. В крайнем случае «с момента разрешения дипломатических вопросов интервенция может быть начата немедленно, через месяц–два».

Откладывание в долгий ящик сроков начала столь важного мероприятия беспокоило «санационного» министра, и он поинтересовался у англичан, а вдруг Кремль за это время стоворится с Токио? Ванситтарт заверил, что «это могло бы произойти за счет интересов Англии и что правительство Англии (а не группировка Норман–Хейлшем) связано с Японией секретным договором, в силу коего Англия гарантирует Японии не только благожелательный нейтралитет в войне с СССР и кредиты на войну, но также и невозможность вооруженного конфликта между Японией и Америкой».

Привлекала к себе в данном донесении внимание информация касательно некоей секретной статьи в декларации «Липский–Нейрат», якобы добавленной в ее текст в день подписания, т. е. 26 января 1934 г. Взамен за священное обязательство Германии ни в каком случае не выступать против Польши как самостоятельно, так и в коалиции с другими госу-

дарствами последняя приняла на себя следующее обязательство по отношению к первой: «В случае непосредственного или посредственного нападения на Германию — Польша соблюдает строгий нейтралитет даже и в том случае, если бы Германия вследствие провокации была вынуждена по своей инициативе начать войну для защиты своей чести и безопасности».

Советский агент, сам узнавший о существовании этой секретной статьи лишь накануне, придавал ей исключительно важное значение, полагая не без оснований, что режим «санации» уже год назад ликвидировал франко-польский союз, поскольку «этот пункт в польско-немецком протоколе есть не только джентльменское соглашение Гитлер–Пилсудский, — это уже обязательство между государствами». В связи с этим он изменил свое прежнее личное мнение о том, что без Парижа, только с одним Берлином, Пилсудский якобы никогда не решится на войну против СССР. «Поскольку дело зашло так далеко, наш агент вообще стал серьезнее относиться к известным планам Гитлер–Пилсудский. По мнению агента, при наличии вышеупомянутого добавления к договору следует считаться с возможностью войны против СССР без Франции, т. е. силами Германии и Польши в Европе при участии Японии на Востоке».

Все тот же источник, со ссылкой на генерала Гонсиоровского, сообщил любопытную деталь. Когда условием подписания декларации «Липский–Нейрат» Германия поставила принятие вышеизложенной секретной статьи, то маршал произнес сакраментальную фразу: «Случается, что как для народа, так и для отдельной личности отсутствие смелости является самым большим несчастьем».

Весной 1935 г. агент был настроен не так скептически, как раньше, в отношении планов Гитлер — Пилсудский и высказывал мнение, что «положение весьма серьезное и что от сумасбродного авантюриста Пилсудского можно всего ожидать, а следовательно, надо быть начеку»¹¹¹.

Данную статью было бы логично завершить донесениями нескольких других советских агентов,

относящихся к весне 1935 г., т. к. в них содержится информация касательно сроков начала интервенции и специфического характера правового оформления отношений внутри триады. В первом, посвященном январскому визиту Г. Геринга в Польшу, сообщалось, что «по мнению поляков, срок военного столкновения между СССР и Японией откладывается с весны на осень 1935 года, но они не исключают неожиданной провокации в любой момент со стороны военных кругов Японии». В этом же донесении источник утверждал, что «в прошлом году заключено военное соглашение между Японией и Германией, но подробности этого соглашения ему неизвестны. Аналогичного соглашения между Японией и Польшей, по данным источника, не существует»¹¹². Другой польский источник утверждал: «Между польским и германским генеральными штабами заключена конвенция, направленная против СССР»¹¹³.

Любопытным представляется мнение офицера «двойки», военного атташе во Франции, полковника Е. Блешинского¹¹⁴, который в узком кругу говорил, что «польско-немецкий союз преследует более серьезные цели, чем нормализацию польско-немецких отношений». Он назвал Пилсудского «старым игроком», который «не даст себя обмануть молодому Гитлеру, и он его использует для крупной политической игры, о чем мы только в будущем узнаем»¹¹⁵. Эти слова Блешинского можно было трактовать в том смысле, что польско-германские отношения скреплены военным союзом, направленным своим острием на восток.

Подводя итог, и вновь вспомнив утверждения некоторых современных польских историков о наивном романтизме польского вождя, необходимо сделать следующее пояснение. Юзеф Юзефович, он же маршал Пилсудский, он же «начальник государства», он же «Зюк», он же «дедушка» — не был выжившим из ума наивным старичком-маразматиком. Его планы создания Великой Польши в совокупности с «интермариумом», федерацией и конфедерацией были его неисполненной «лебединой песней» — посчитаться с Россией за все причиненные ему обиды. Но судьба распорядилась иначе, т. к. Иосиф переиграл Юзефа.

¹ Вышеперечисленные вехи носят условный характер и относятся, прежде всего, к европейскому театру международных отношений, к которому также могут иметь отношение итало-эфиопская война 1935–1936 гг., а также гражданская война в Испании. Если же учитывать более широкий масштаб, то начинать следует с сентября 1931 г., когда Япония приступила к планомерной оккупации Северо-Восточного Китая и, наряду с иными шагами, объявила в марте 1932 г. о создании «независимого» государства Маньчжоу-Го.

² Термин «большая война» относительно Первой мировой, был весьма распространен в дипломатических документах, мемуарной литературе, публицистике, европейской прессе межвоенного периода.

- ³ Термин «санационная» Польша подразумевает период польской истории с 1926 по 1939 гг., т.е. когда политический курс страны как внутри, так и на международной арене определяли представители т.н. режима «санации». Последний был установлен после майского переворота 1926 г., произведенного сторонниками Юзефа Пилсудского, поставившего на все ключевые посты в государстве своих доверенных лиц. У представителей данного режима было принято связывать проводимую ими политику с процессом оздоровления, по их мнению, страны, т.е. «санацией».
- ⁴ *Dębski S.* Układ monarchijski i pakt Ribbentrop-Mołotow siedemdziesiąt lat później — problemy, interpretacje, oddziaływanie // *Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków.* W., 2009. S. 14–45; *Kamiński M. K.* Sowiety wobec sytuacji spowodowanej kryzysem państwa czechosłowackiego we wrześniu 1938 r. // *Dzieje Najnowsze.* 2010. # 3. S. 15–22; *Kamiński M. K., Zacharias M. J.* Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. W., 1998; *Kornat M.* Polska między Niemcami a Związkiem Sowieckim, (1938–1939). Konsepcje polityczne ministra Józefa Becka i sytuacja międzynarodowa // *Kryzys 1939 roku w interpretacjach...* S. 309–361; *Pełtoński A.* Wywiad a dyplomacja II Rzeczypospolitej. Toruń, 2005; *Włodarkiewicz W.* Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych, 1921–1939. W., 2002; *Żerko S.* Polska w hitlerowskiej koncepcji polityki zagranicznej 1933–1939 // *Acta Univ. wratislaviensis.* Wr., 2001. T. 24: *Studia nad faszyzmem i zbrodniami hitlerowskimi.* S. 247–276.
- ⁵ *Batowski H.* Między dwiema wojnami 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 1988; *Kozerński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964; *Materski W.* Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939. W., 1994; *Pułaski M.* Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań, 1967; *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965; *Zacharias M. J.* Polska wobec zmian w układzie sił politycznych w Europie w latach 1932–1936. Wrocław, 1981.
- ⁶ *Lapter K.* Pakt Piłsudski-Hitler. Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. W., 1962.
- ⁷ В своем фундаментальном исследовании «Польско-германские отношения. 1933–1938», изданном в 1965 г. в Poznani, Марьян Войчеховский цитирует июльское 1934 г. донесение американского посла в Москве У. Буллита госсекретарю США К. Хэллу. Речь, в частности, шла о том, что Пилсудский отказывается участвовать в Восточном пакте, поскольку ожидает советско-японскую войну и хочет сохранить для себя свободу рук, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши». В примечании польский историк приводит американскую официальную публикацию дипломатических документов *Foreign Relations of the United States.* — *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 163.
- ⁸ История дипломатии. Под ред. *Потемкина В. П.* Т. 3. М.; Л., 1945. С. 425–444; 479–510.
- ⁹ *Климовский Д. С.* Германо-польское сближение в 1933 г. // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967; *Он же.* Зловещий пакт. Из истории польско-германских отношений. Минск, 1968; *Он же.* Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Минск, 1975.
- ¹⁰ *Михутина И. В.* СССР и польско-германское сближение на рубеже 1933–1934 гг. // *Советское славяноведение.* 1973. № 6; *Она же.* Советско-польские отношения 1931–1935. М., 1977.
- ¹¹ *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.
- ¹² Материалы т.н. «личного архива» И. В. Сталина хранились в Архиве Президента РФ, а в к. 1990-х — н. 2000-х гг. были переданы в Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ).
- ¹³ Известия, Правда. 20.04.1935 г.; *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. С. 211.
- ¹⁴ *Морозов С. В.* К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 г. // *Славяноведение.* 2005. № 5.
- ¹⁵ *Морозов С. В.* Из довоенного досье // *Международная жизнь.* 2007. № 1–2.
- ¹⁶ *Морозов С. В.* 1934 — весна 1935: Польша, Япония и Германия против СССР — война, которую удалось предотвратить // *От Киевской Руси до России XXI века: вехи российской истории, государственности, общества и культуры.* Материалы международной научной конференции, посвященной 1150-летию Российской государственности, 24–25 мая 2012 г. Витебск, 2012. С. 153–156.
- ¹⁷ *Maciejewski M.* Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // *Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939.* Pod red. *Marszala M., Sadowskiego M.* Wrocław, 2009. S. 139–158.
- ¹⁸ Борьба министра Ю. Бека за создание этого самого «интермариума» или «нейтрального блока» в период после краха организации антисоветской агрессии в 1935 г. подробно рассмотрена в кн.: *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. С. 293–500.
- ¹⁹ *Maciejewski M.* Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // *Na szlakach niepodległej...* S. 152.
- ²⁰ II отдел ГШ ВП или «двойка» — разведка и контрразведка был создан летом 1920 г., т.е. вскоре после воссоздания независимого польского государства. Своими корнями он восходил к т.н. Польской организации войсковой, детищу Ю. Пилсудского, чья деятельность была основана на всеохватывающей агентурной работе. «Двойка» имела своих осведомителей и агентов как среди бабулек-работниц общественных туалетов, так и среди белорусских, украинских и прочих националистов, а также депутатов польского сейма, в том числе и представителей национальных меньшинств. Она пронизывала все слои общества, государства межвоенной Польши, а также имела многочисленных агентов за рубежом. В ее лице польский вождь имел в своем распоряжении могущественный информационно-политический инструмент и прочную политическую опору.
- ²¹ Данная политика, среди прочего, предполагала финансовую и административную поддержку российских эмигрантов-выходцев из Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа. Поддержку и контакты с эмигрантским грузинским правительством в Париже. Организационную работу с целью проведения совместных конференций лидеров этих структур, принятие уставных документов. Ведение с представителями этих организаций агентурной

работы и осуществление через них шпионской деятельности против СССР. Установление контактов с антисоветскими элементами и организациями на территории Советского Союза. Сам термин «прометеизм» был связан с древнегреческим мифом о Прометее, прикованном цепями к скалам в горах Кавказа. В аллегорическом плане соответствие, скорее всего, задумывалось следующее — как Прометей подарил людям огонь и некоторые знания касательно «кухни» богов, так II отдел ГШ ВП подарит угнетенным советским режимом народам Кавказа свободу, учитывая, естественно свои эвентуальные выгоды.

²² Как свидетельствуют архивные документы значительная «прометеевская» работа велась и среди горских народов Кавказа.

²³ *Maciejewski M.* Op. cit. S. 158.

²⁴ Любопытно, что 11 годами ранее один из князей Радзивиллов при упоминании Пилсудского выдал следующую фразу: «То, что вы — поляки, в Австрии не повесили этого негодяя на первом столбе, будет для вас вечным укором». — *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский — легенды и факты. М., 1990. С. 157.

²⁵ Молодой революционер добирался до японской столицы по маршруту Лондон — Нью-Йорк — Чикаго — Сан-Франциско — Иокогама. — *Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. W., 1990. S. 85.*

²⁶ В частности, соратник Пилсудского Витольд Йодко-Наркевич в марте 1904 г. послал из Львова через Александра Малиновского письмо японскому послу в Лондоне Тадасу Хаяши с информацией о дислокации российских войск. К листу был приложен проект воззвания к полякам с призывом дезертировать из российской армии. В этот период полковник Таро Уцуномия выплачивал им 90 фунтов в месяц. Это было немного, но для Пилсудского и его сторонников составляло значительную сумму. — *Garlicki A. Józef Piłsudski... S. 84.*

²⁷ Хенрик Флор-Райхман — польский политик из пилсудчиковского лагеря, дипломат и государственный деятель, дипломированный майор сухопутных войск, вице-министр, а также министр промышленности и торговли, депутат Сейма. В 1928–1932 гг. военный атташе в Токио. После смерти Пилсудского оказался в отставке.

²⁸ ИНО ГУГБ НКВД — И. В. Сталину. 5.09.1934. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 81.

²⁹ *Табуи Ж.* 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 172–173.

³⁰ Вооруженные силы Германии были ограничены на тот момент Версальским соглашением 100 тыс. солдат. — *Kamiński M. K., Zacharias M. J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939. S. 128.*

³¹ О визите в Париж сенатора Е. Потоцкого и его встрече с Поль-Бонкуром упомянула парижская «Тан» и сам Потоцкий в беседе с французским послом в Варшаве Ларошем. — *Le Temps. 11.01.1933; Ларош — Бонкуру из Варшавы, 15.01.1933. Documents Diplomatiques Français 1932–1939. Sér. 1. T. II. Paris, 1966. P. 451–453.*

³² *Табуи Ж.* Указ. соч. С. 176.

³³ Еще в нач. XIV в. Тевтонский орден изгнал с тамошних земель польское население. Попытки польских королей прибегнуть к арбитражу, в том числе Римского папы, дабы вернуть город ни к чему не привели. Впоследствии Данциг стал крупным торговым центром, небывало разбогатев в течение XVI — XVII вв. на посреднической торговле польским зерном, но там по-прежнему преобладало германское влияние. Не было поляка, который не воспринимал бы сложившееся положение вещей как вопиющую историческую несправедливость.

³⁴ *Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań, 1967. S. 46.*

³⁵ *Wojciechowski M.* Op. cit. S. 24.

³⁶ История дипломатии. Указ. соч. С. 471.

³⁷ *Kozerński J.* Op. cit. S. 55.

³⁸ История дипломатии. Указ. соч. С. 472.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 0122. «Референтура по Польше». Оп. 17. Д. 28. Пап. 167-а. Л. 13.

⁴² Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР). Т. XVI. М., 1970. С. 223.

⁴³ *Kamiński M. K., Zacharias M. J. Polityka zagraniczna... S. 143.*

⁴⁴ Польско-советский торговый договор был заключен только в феврале 1939 г. — Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 6. М., 1969. С. 39, 41, 42, 376.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0122. «Референтура по Польше». Описание 17. Дело 28. Папка 167-а. Л. 13.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 14.

⁴⁸ *Smogorzewski K. Czy dziejowy zwrot w stosunkach polsko-niemieckich. Poznań, 1934. S. 21; Documents on German Foreign Policy 1918–1945 (далее DGFP). Ser. C. Vol. I. Washington, 1957. P. 365–367.*

⁴⁹ *Kozerński J.* Op. cit. S. 55.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0122. «Референтура по Польше». Описание 17. Дело 28. Папка 167-а. Л. 14.

⁵¹ *Gazeta Polska. 29.08.1933.*

⁵² Известия. 6.09.1933.

⁵³ *Михутина И. В.* Советско-польские отношения... С. 130; DGFP. Ser. C. Vol. I. P. 840, 842; *Beck J.* Final Report. New York, 1957. P. 25–28.

⁵⁴ *Михутина И. В.* Советско-польские отношения... С. 130.

- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Czas. 26.09.1933.
- ⁵⁷ Имеется в виду неожиданное предложение заключить пакт чехам, сделанное в ноябре Гитлером через своих эмиссаров (А. Хаусхофера-мл. и М. К. Траутсмандорфа). Этот, вызванный эмоциональным порывом, шаг фюрера объясняется желанием отомстить и посчитаться с поляками за выявленный незадолго до этого вопиющий факт шпионажа. Речь идет о похищении польским резидентом в Берлине Е. Сосновским при помощи барышень-секретарш германского мобилизационного плана. Пилсудскому пришлось, как знак добрых намерений в отношении Германии демонстративно передать этот самый мобилизационный план представителю французской разведки полковнику Кельцу. Затем, оказав давление на Гитлера через посланника в Берлине Ю. Липского, ему удалось возобновить переговоры. Начальство Сосновского в Главном штабе озвучило мнение о том, что данный план есть ни что иное, как фальшивка. Хотя самого Сосновского после его ареста гестапо в феврале 1934 г. затем через год-другой вернули по обмену на родину, там его ждали не почет и слава, а следствие, суд и длительный тюремный срок за перерасход денежных средств, отпущенных на деятельность берлинской резидентуры. Осенью 1939 г. тюрьма, где он отбывал заключение, оказалась в сфере действий советских войск, и он в результате различного рода злоключений оказался на Лубянке, где следователями с ним проводилась оперативная работа.
- ⁵⁸ *Kozeński J.* Op. cit. S. 75.
- ⁵⁹ Князь Януш Франтишек Ксаверий Юзеф Лавр Бронислав Мария Радзивилл — представитель древней династии, крупный землевладелец, польский политик консервативного направления, впоследствии завербован Л. Берией в качестве агента НКВД.
- ⁶⁰ Научный архив Института Российской истории РАН (далее НА ИРИ РАН). Ф. 22. Оп. 1. 1934. Д-19, 1-а.
- ⁶¹ В правописании термина «Тешенская Силезия» (во второй части слова «Тешен» буква «е», а не «и») автор ориентировался на отечественную энциклопедическую и историческую традицию. — Малый энциклопедический словарь. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Т. 65; Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41; Советская историческая энциклопедия. Т. 6; Всемирная история. Т. 5.
- ⁶² НА ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1. 1934. Д. 3–1.
- ⁶³ «План Розенберга» — план раздела Советского Союза, разработанный Альфредом Розенбергом. Его копия, снятая с документов третьего рейха и переведенная на английский язык хранится в библиотеке Конгресса США. Ареал для дальнейшего исторического проживания русского народа назывался «Московия» и был изображен на карте черным пятном. Впервые была опубликована в советской печати Л. Корявиным. — Известия. 3.05.1990.
- ⁶⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1. 1934. Д. 3–1.
- ⁶⁵ Генеральный инспекторат вооруженных сил был создан как рабочий инструмент Генерального инспектора ВС, согласно указа от 6 августа 1926 г. польского президента И. Мосцицкого об осуществлении командования ВС в мирное время. Эта позиция была предусмотрена для генерала, которому предстояло стать Верховным вождем ВС в военное время. С 27.VIII.1926 вплоть до своей смерти 12.V.1935 ее занимал Ю. Пилсудский.
- ⁶⁶ Причем все присутствовавшие на совещании, за исключением министра Бека, должны были изложить свои выводы в письменной форме. — *Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej. Przełożył i opracował Zygmunt Kalużyński. W., 1954. S. 17–18.*
- ⁶⁷ Казимеж Фабрыцы — дивизионный генерал, соратник Пилсудского по легионам во время Первой мировой войны. В июне 1934 г. был назначен инспектором армии с резиденцией во Львове. На тот момент бригадный генерал.
- ⁶⁸ *Włodarkiewicz W.* Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych, 1921–1939. W., 2002. S. 170.
- ⁶⁹ Томаш Обертынский — дипломированный подполковник пехотных войск. В январе 1934 г. был переведен из Главного штаба на должность замкомандира 85-го пехотного полка в Новой Вилейке.
- ⁷⁰ Гвидо Кароль Лангер — во время Первой мировой — офицер германской армии. В 1916–1918 гг. находился в русском плену, откуда бежал. С января 1930 г. во II отделе Главного штаба — руководитель Реферата радиоразведки. В 1931 г. стал подполковником и возглавил Бюро шифров II отдела, одновременно находясь за штатом 4-го полка стрелков подгалянских в Тешене. В 1932 г. он и еще 3 офицера взломали шифры германской шифровальной машины «Энигма», секрет которой в июле 1939 г. был передан западным союзникам.
- ⁷¹ Януш Альбрехт — был в легионах польских с 1914 г., затем функционировал в Польской организации войсковой. Дипломированный полковник кавалерии. С 1932 г. офицер Генерального инспектората (структура, находившаяся под контролем Пилсудского), и офицер для поручений там же с 1935 г.
- ⁷² Александр Ежи Нарбут-Лучинский — соратник Пилсудского по легионам. Бригадный генерал с 1924 г. С 1930 г. командующий округом корпусов № 5 «Краков».
- ⁷³ Антони Роснер — в 1922–1924 гг. в чине капитана проходил обучение в варшавской Высшей военной школе.
- ⁷⁴ Януш Гонсиоровский — бригадный генерал, доверенное лицо Пилсудского. Во время Первой мировой войны воевал в армии Австро-Венгрии на российском фронте, в том числе, в должностях командира взвода, батареи, адъютанта батареи. В конце 1916 г. дезертировал и вскоре оказался в рядах Польской организации войсковой. В 1931–1935 гг. начальник Главного штаба ВП.
- ⁷⁵ Андре Тардые — участник Первой мировой войны, помощник Жоржа Клемансо на Парижской конференции 1919 года. Трижды был премьер-министром.
- ⁷⁶ Максим Вейган — генерал, участник Первой мировой войны, с ноября 1917 г. член Высшего военного совета, а с марта 1918 г. начальник штаба верховного главнокомандующего. В 1920–1922 гг. глава военной миссии в Польше по

обучению и снабжению польской армии. В 1930–1935 гг. начальник Генштаба, вице-президент Высшего военного совета, инспектор армии. В 1937 г. участвовал в фашистском движении кагуляров.

⁷⁷ Казимеж Глябиш — в 1913–1915 гг. изучал право в Мюнхене и Вроцлаве, затем закончил германскую офицерскую артиллерийскую школу. В 1923 г. получил степень магистра права и управления в Познанском университете. В 1929 г. присвоено звание подполковник артиллерии. В 1934 и 1935 гг. по поручению Ю. Пилсудского осуществил 2 неофициальные поездки в Германию и Австрию.

⁷⁸ Монтегю Норман — английский банкир, управляющий Банком Англии в 1920–1944 гг. Норман специально посетил Берлин в мае 1934 г., чтобы договориться о тайной финансовой поддержке гитлеровского режима. Фюрер ответил Норману любезностью, назначив его близкого друга Я. Шахта, министром экономики и президентом «Рейхсбанка».

⁷⁹ Дуглас Хогг (лорд Хейлшем) — один из виднейших английских адвокатов 1920-х гг., в 1931–1935 гг. лидер Палаты лордов, военный министр.

⁸⁰ В это же время в Париж был направлен другой неофициальный представитель Гитлера — И. Риббентроп.

⁸¹ Роберт Клайв — британский дипломат. Учился в оксфордских колледжах Хейльбери и Магдален. Поступил на дипломатическую службу в 1902 г. Генеральный консул в Баварии в 1923–1924 гг., в Марокко в 1924–1926 гг. В 1926–1931 гг. посланник в Персии. В 1933–1934 гг. посланник при Святом Престоле. Вошел в Тайный совет Великобритании в 1934 г. В 1934–1937 гг. посол в Японии.

⁸² Название варшавской улицы, на которой в те времена в особняке Брюля находился польский МИД.

⁸³ ИНО ОГПУ — И. В. Сталину. 29.06.1934. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 28–44.

⁸⁴ Садао Араки — японский военный и политический деятель, генерал с 1933 г. Возглавлял группировку «молодого офицерства», связанную, среди прочего, с концернами «Кухара», «Накадзима». В 1931–1934 гг. военный министр, в 1938–1939 гг. министр просвещения. Был одним из главных руководителей и идеологов японской империалистической агрессии и фашизации страны в 1920–1940-х гг. В 1948 г. по приговору Международного военного трибунала приговорён к пожизненному тюремному заключению. В 1955 г. был освобожден из заключения по состоянию здоровья.

⁸⁵ Похоже, что данное послание было доставлено братом японского императора принцем Кайю, находившимся с трехдневным визитом в Польше с 8 июля 1934 г. — ДВП СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 827–828.

⁸⁶ Китайско-Восточная железная дорога — железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897–1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали. Принадлежала России и обслуживалась её подданными. В течение 1920-х — весны 1935 гг. КВЖД оставалась под управлением и обслуживанием советской стороны. 23 марта 1935 г. СССР и Маньчжоу-Го подписали соглашение о ее продаже.

⁸⁷ Восточный пакт или Восточное Локарно — проект создания системы коллективной безопасности, с которым выступила в к. 1933 г. Франция. Предполагалось, что в нем примет участие ряд т. н. «малых стран», включая Польшу и Чехословакию, а также Германию, Францию и СССР. В качестве гарантов должны были выступить Париж и Москва. Борьба за его реализацию продолжалась в течение 1934 — весны 1935 гг. и завершилась подписанием 2 мая советско-французского и 16 мая 1935 г. советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи.

⁸⁸ Вальтер Райхенау — участник первой мировой войны, затем служил в рейхсвере. С 1930 г. начальник штаба военного округа, в 1933–1935 гг. начальник отдела в министерстве рейхсвера, активно участвовал в создании вермахта. Один из наиболее фанатично настроенных нацистов среди генералитета. 10 октября 1941 г. издал печально известный приказ «О поведении войск в восточном пространстве», где говорилось, что в обязанности солдата на востоке входит больше, чем обычные военные задачи. Задачей солдата является искоренение азиатского и еврейского влияния на Европу, и он определяется не только как боец за идеи национал-социализма, но и как мститель «за зверства» по отношению к немецкому народу. Приказывалось любой ценой и без оглядки на потери среди мирного населения подавлять партизанское движение и на месте уничтожать захваченных партизан. Также запрещалось делиться продовольствием с местным населением. Приказ разрешал рассматривать советскими агентами всех тех, кто отказывался активно сотрудничать с оккупационными войсками.

⁸⁹ Эжен-Мари Дебени — участник Первой мировой войны. В 1924–1930 гг. начальник Генштаба, руководил реорганизацией французской армии. Автор известного «Плана генштабов 1930 г.», коим предусматривалась ликвидация мирового кризиса путем интервенции против СССР.

⁹⁰ РГАСПИ. Оп. 11. Д. 187. Л. 80–95.

⁹¹ Донесение Эрхардт — Додду. Гамбург, 21.08.1934. — Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. II. Washington, 1951. P. 324.

⁹² Десятков С. Г. Уайтхолл — инициатор мюнхенской политики // Мюнхен — преддверие войны. М., 1988. С. 29.

⁹³ Энтони Иден — британский государственный деятель, консерватор. В 1934 г. был назначен лордом-хранителем печати. Весной 1935 г. сопровождал главу МИД Д. Саймона во время свидания с Гитлером в Берлине. Затем Иден направился в Москву, Варшаву и Прагу. С октября 1935 по февраль 1938 гг. был министром иностранных дел.

⁹⁴ Валерий Ян Славек — один из ближайших соратников Пилсудского, трехкратный премьер Польши, маршалек Сейма, дипломированный подполковник сухопутных войск. Во вт. пол. 1930-х гг. лидер т. н. «группы полковников», один из главных творцов апрельской Конституции 1935 г.

⁹⁵ Игнаций Гуго Матушевский — польский политик, публицист, дипломат, министр финансов, дипломированный полковник сухопутных войск. В тот период один из виднейших публицистов официальной «Газеты Польской».

⁹⁶ Адам Коц — политик, депутат Сейма, журналист, основатель «Газеты Польской», дипломированный полковник Войска Польского. На тот момент замминистра финансов.

- ⁹⁷ Казимеж Станислав Свистальский — польский политик, легионер, соратник Пилсудского, после 1926 г. принадлежал к «группе полковников». В 1929 г. премьер правительства, в 1935 г. сенатор, в 1930–1935 гг. — маршалек Сейма.
- ⁹⁸ ИНО ГУГБ НКВД — И. В. Сталину. 18.10.1934. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 111–117.
- ⁹⁹ ИНО ОГПУ — И. В. Сталину. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 24.
- ¹⁰⁰ С 1924 г. Внешняя Монголия — это Монгольская народная республика со столицей Улан-Батор (Урга). А Внутренняя Монголия — это сейчас автономный регион на севере Китая.
- ¹⁰¹ Военизированная фашистская организация «Огненные кресты» во главе с подполковником Франсуа де ля Роком, девизом которой был «Труд, семья, Родина».
- ¹⁰² Пьер-Этьен Фланден — французский государственный и политический деятель. Премьер-министр Франции с 8 ноября 1934 по 1 июня 1935 г.
- ¹⁰³ Пьер Лаваль — французский государственный деятель. Неоднократно входил в правительство. В 1931–1932 и 1935–1936 гг. премьер-министр, с октября 1934 по июнь 1935 г. министр иностранных дел. 2 мая 1935 г. под давлением общественного мнения подписал франко-советский пакт о взаимной помощи, подготовленный ещё Л. Барту, однако упорно уклонялся от его утверждения и введения в силу. Во время Второй мировой войны активный деятель коллаборационного «правительства Виши» и его премьер в 1942–1944 гг. Казнен по приговору суда в октябре 1945 г.
- ¹⁰⁴ ИНО ГУГБ — И. В. Сталину. 28.12.1934. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 31–52.
- ¹⁰⁵ ДВП СССР. Т. XVII. С. 828.
- ¹⁰⁶ В последней декаде июня 1934 г. японская газета «Ници-Ници» уделяла много внимания его поездке в Осаку и выступлению на совещании местных деловых кругов, где он призывал к усилению деловых связей между Польшей и Японией. — НА ИРИ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3–1.
- ¹⁰⁷ ДВП СССР. Т. XVII. С. 828–829.
- ¹⁰⁸ ИНО ГУГБ НКВД — И. В. Сталину. 1.02.1935. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 63–65.
- ¹⁰⁹ Юлиуш Лукасевич — польский дипломат, в 1933–1936 гг. посланник, затем посол в Москве; в 1936–1939 гг. посол в Париже.
- ¹¹⁰ Роберт Гилберт Ванситтарт — английский дипломат, заместитель министра иностранных дел Великобритании. Дипломатическую службу начал в 1902 г. Работал в Каире (1909), Стокгольме (1915) и Париже (1919). В мае 1935 г. принимал в Лондоне Иоахима фон Риббентропа с целью подписания англо-германского морского соглашения. В 1936 г. посетил Олимпийские игры в Берлине, где имел беседы с Гитлером. В феврале 1937 г. встречался с президентом рейхсбанка Я. Шахтом по поводу двусторонних соглашений в области колониальной политики. Считался последовательным противником нацистского режима.
- ¹¹¹ Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945). Составитель Соцков Л. Ф. М., 2009. С. 22–30.
- ¹¹² Там же. С. 16.
- ¹¹³ Там же. С. 21.
- ¹¹⁴ Ежи Ферек-Блешинский — полковник II отдела ГШ ВП, военный атташе в Париже.
- ¹¹⁵ Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики... С. 17–20.